

УДК 316.344.8

ТАЙПОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАКУРСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С. Ш. Жемчурева

Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова
E-mail: sedazz@mail.ru

В статье предпринята попытка провести анализ результатов прикладного социологического исследования, посвященного проблеме многоуровневой идентичности студенческой молодежи Чеченской Республики. Выявлены роль и место тайповой принадлежности в «портфеле идентичностей» современных чеченцев.

Ключевые слова: идентичность, чеченский тайп, чеченцы, тайповая идентичность, иерархия идентичностей.

**Taypovy Identity of Youth of the Chechen Republic
in the Foreshortening of the Sociological Analysis**

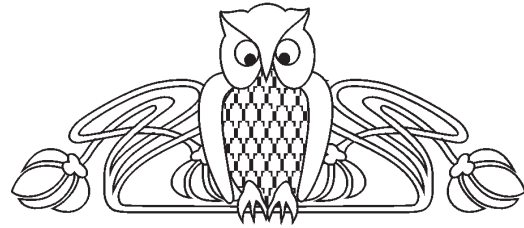
S. Sh. Zhemchuraeva

In article attempt to carry out the analysis of results of the applied sociological research devoted to a problem of multilevel identity to student's youth of ChR is made. The role and place of taypovy accessory in «a portfolio of identity» modern Chechens is revealed.

Key words: identity, Chechens, taypovy identity, hierarchy of identity.

Разработка проблем идентичности и идентификации началась в середине XX в. Интерес к интерпретации понятия «идентичность» проявился после того, как этот термин получил широкое распространение в различных отраслях научного знания в связи с утверждением в них неклассической парадигмы социального исследования¹.

С этого периода она традиционно связывается с общепсихологическими и социальными исследованиями. По мнению Л. М. Дробижевой, центром внимания социологического подхода к анализу идентичности является «соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах <...> Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания»². Она выделяет следующие компоненты социальной идентичности: «...самоидентификация (отнесение себя к этнической группе, локальной, государственной общности), представления о своей группе – «образ мы» и интересы, которые связывают эмоционально окрашенное отношение к таким образам с поведением людей и групп (регулятивная составляющая идентичности). В «образ мы» включаются автостереотипы (представления о себе), которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представления о

других), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности. Весь этот набор представлений, как правило, присутствует на групповом уровне идентичности»³. Вопрос «кто мы?» – это вопрос о системе приоритетов и символах, способных сплотить общности, народы в единое национальное целое⁴.

Возникновение у чеченцев тайпа как социального института сопряжено с длительными историческими и социально-экономическими трансформациями, происходившими в чеченском обществе. Само слово тайфа – арабское и означает совокупность людей, проживающих на территории определенного участка земли⁵. Общественно-политическая организация чеченцев, основанная на родовых отношениях, являла собой устойчивое социальное образование, способное противостоять любым проявлениям вмешательства в их жизнь.

Чеченский тайп – это группа людей или семейств, выросших на основе общих производственных отношений. Члены его, пользуясь одинаковыми личными правами, были связаны между собой кровным родством по отцовской линии. Свобода, равенство, братство, хотя никем не были сформулированы, являлись основой общественных связей чеченцев⁶.

В настоящее время институт тайпа утратил свои социальные функции и является братством, основанным на мифической памяти. Данная гипотеза была выдвинута сотрудниками лаборатории по исследованию социально-политических, правовых и духовных процессов КНИИ РАН имени Х. И. Ибрагимова (Грозный) в процессе формирования программы прикладного социологического исследования на тему «Тайп в восприятии современной студенческой молодежи Чеченской Республики». Опрошено 750 респондентов – студенты трех государственных вузов Чеченской Республики (ГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова, ЧГУ, ЧГПИ). Исследование проводилось в течение 2012 года. Выборка квотная, с вероятностным отбором респондентов, репрезентирующая социально-возрастную группу по полу, возрасту и образованию. В нее вошли студенты разных курсов обучения, гуманитарного, технического и естественного профилей, проживающие в разных районах республики, городах Аргун, Шали, Грозный. Анкета включала в себя 25 вопросов, из которых 4 открытых.

Основные результаты, полученные в ходе исследования, выглядят следующим образом. В целях выявления степени удовлетворенности жизнью чеченских студентов им был предложен вопрос «*Насколько Вы удовлетворены тем, как в настоящее время складывается Ваша жизнь?*».

Первичный анализ ответов показал, что почти треть респондентов (34,5%) затруднились ответить; 33,6% выбрали вариант ответа «полностью не удовлетворен»; 9,7% оказались в группе «в основном не удовлетворенных» и только 22,2% студентов показали достаточную степень удовлетворенности жизнью (14,2% в основном удовлетворены и 8% полностью удовлетворены).

Интерес к изучению проблем социального самочувствия населения возник в отечественной социологии в 80-е гг. XX в. Сегодня существуют различные интерпретации как самого понятия «социальное самочувствие» людей, так и критериев его оценки. Чаще всего социальное самочувствие понимается как «общая интегральная удовлетворенность жизнью», своего рода субъективное эмоциональное отражение образа жизни.

Такую трактовку социального самочувствия можно найти, к примеру, в публикациях Л. А. Орловой и Е. В. Давыдовой⁷. Согласно этому подходу общая интегральная удовлетворенность жизнью складывается из удовлетворенности различными сторонами жизни человека – трудовой, бытовой, духовной, социально-политической и т. д.

Другой подход предлагает Л. Е. Петрова⁸, которая рассматривает социальное самочувствие как «интегральную характеристику жизненной стратегии личности», отражающую соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта.

В концепции Ж. Т. Тощенко и С. Харченко социальное самочувствие является базовым элементом социального настроения, отражающим общий эмоциональный фон и настрой личности⁹.

Я. Н. Крупец предлагает интерпретировать социальное самочувствие как интегральный показатель социальной адаптации населения к реформам, общий индикатор успешности процесса адаптации¹⁰.

Практически все авторы отмечают комплексный интегральный характер феномена социального самочувствия, который отражает общую оценку удовлетворенности собственной жизнью, основанную на достигнутой степени адаптации к социальным изменениям и уровне удовлетворения потребностей личности.

Студенчество – это особая социальная общность и огромная инновационная сила, находящаяся в стадии становления и формирования своей структуры ценностной системы, и здесь одним из главных средств социализации молодежи выступает культура, включающая в себя накопленные человечеством знания, ценности, нормы и образцы, представляющие духовный мир отдельных

индивидов, социальных групп, общностей и всего общества¹¹.

Попытка обнаружить наиболее значимые для студентов качества, через которые проявляется культура человека, привела к следующим результатам: наибольшее число респондентов (37,2%) считают главным качеством «знание искусства (эрудиция)»; на втором месте по степени значимости (21,7%) оказалась «терпимость к чужим взглядам и поступкам»; почти такой же процент респондентов (21,1%) выбрали вариант ответа «в уважении к чужим взглядам и поступкам»; в том, что культура проявляется «в уважении к традициям своего народа», уверены 9,4% опрошенных; «порядочность и честность» являются отражением культуры для 5% студентов; две группы респондентов равнозначно полагают, что главным проявлением культуры является «воспитание и вежливость» и «уважение к старикам, инвалидам» (по 2,8% соответственно). Толерантное отношение чеченской молодежи, проявляющееся в ответах на данный вопрос, является положительным показателем. Однако уважение к традициям своего народа, честность и порядочность оставались важнейшими маркерами идентичности чеченцев на протяжении многих веков. Отсутствие должного внимания со стороны молодого поколения чеченцев к этнокультурным особенностям, на наш взгляд, является крайне тревожной тенденцией в развитии современного чеченского общества.

В опросный лист был включен вопрос относительно индивидуально-личностной тайповой самоидентификации (тип вопроса – альтернативный, закрытый), имеющий собственную смысловую нагрузку (информация о тайповой идентичности): «*Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какому-либо тайпу?*»

В самом вопросе, как мы видим, содержится указание на эмоционально-чувственную природу кровнородственного: о своей тайповой принадлежности люди не думают, ее либо ощущают, либо не ощущают¹². Так, на данный вопрос 67,1% студентов ответили положительно, однако 32,9% не идентифицируют себя ни с одним тайпом. Большинство опрошенных, указавших свою тождественность с определенным тайпом, положительно относятся к тайповой принадлежности. Испытывающих чувство гордости от своей тайповой идентичности оказалось 56,4% респондентов; 25,1% опрошенных рады, что принадлежат к своему тайпу; 13,7% студентов высказали безразличие по отношению к тайповой принадлежности; указали, что не разделяют людей по тайповой принадлежности, 1,9% респондентов; «главное, я – мусульманин» ответили 1,2% чеченцев и среди негативно относящихся к своей тайповой идентичности оказалось 1,7% респондентов.

Свое мнение относительно межтайповых отношений респонденты выразили по-разному. Большинство (54,8%) согласны с тем, чтобы их близкий родственник(ца) вступил в брак с пред-

ставительницей (представителем) другого тайпа; 18,1% от общего числа опрошенных предпочли бы, чтобы в их доме жили люди только их тайпа; 10,9% за то, чтобы в их городе (селе) жили люди только их тайпа; работать или учиться со своими «однотайповцами» предпочли бы 8,6% от совокупного числа участников опроса; общению с людьми своего тайпа отдают предпочтение 7,7% опрошенных. Такие показатели еще раз подтверждают незначительную роль тайповой принадлежности в коммуникативном пространстве чеченских студентов, а также их нацеленность на толерантное взаимодействие с представителями различных тайпов.

Для получения развернутой картины социокультурных идентичностей студенческой молодежи ЧР респондентам был предложен вопрос «Укажите, пожалуйста, степень важности перечисленных ниже определений». В качестве вариантов ответа предлагались наиболее значимые социокультурные идентичности. Распределение ответов важно для верификации (подтверждения) исходной гипотезы. В частности, нами прогнозировалась незначительная степень важности тайповой идентичности. Распределение ответов на этот вопрос выглядит следующим образом.

Практически равными по степени значимости для респондентов оказались конфессиональная и семейная идентичности (21,4 и 21,3% соответственно). Существенной для них является и национальная (этническая идентичность), как важную ее определили 16,8% респондентов. Второстепенное значение для студентов чеченских вузов имеют такие идентичности как «житель своей республики» (13,2%), «представитель своего тайпа» (12,8%). Результаты исследования, бесспорно, свидетельствуют о преемственности поколений и роли семьи в конструировании религиозной идентичности студенческой молодежи ЧР. Этническая идентичность находится в тесном взаимодействии с конфессиональной идентичностью. Очевидно, что тайповая идентичность значительно уступает по уровню значимости этноконфессиональной и даже региональной идентичностям.

На открытый вопрос «Как бы Вы ответили, ради чего Вы сейчас живете?» почти треть респондентов (34,1%) назвали семью. Очевидно, что семья остается важнейшей ценностью для чеченской молодежи. Затруднились ответить на поставленный вопрос 25,9% опрошенных студентов. Такой показатель людей, не имеющих определенного представления о смысле своего существования, является тревожным признаком. Следующей смысловозначимой позицией является религия – ислам, которая способствует молодым людям очертить жизненные ориентиры (13,1% выбрали этот вариант ответа). Примечательно, что считают себя живущими ради народа, нации, страны 6,2% респондентов; 4,5% считают честь и достоинство смыслообразующими характери-

стикам. К сожалению, сакральное отношение к своему народу, родине, а также фундаментальные духовные ценности, которые были присущи чеченскому этносу на протяжении многих веков, передаваясь из поколения в поколение и являясь важнейшими маркерами их идентичности, в настоящее время утрачивают былое значение. Эгоистичные качества проявились у 4,3% опрошенных, ответивших, что живут ради себя. Занимательно, что среди студентов высших учебных заведений, то есть будущих специалистов, целеустремленность и направленность на достижение карьеры не выражены (3,4 и 3,8 % соответственно). Отметим себя живущими ради будущего 3,1% респондентов. Задумываются о достойном уходе из жизни 7 респондентов и 5 человек отметили, что живут ради славы, денег и развлечений.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что тайп в восприятии современной чеченской молодежи является мифическим родством, основанном на тайповой памяти. В настоящее время он не обладает реальными социальными функциями, но выполняет функции родственной солидарности. Подтвердилась выдвинутая гипотеза о незначительной роли тайповой идентичности в иерархии идентичностей респондентов, данная идентичность существенно уступает религиозной, семейной и этнической идентичностям.

Примечания

- 1 См.: Жаде З. А. Векторы геополитической идентичности. Ростов н/Д, 2007. С. 48.
- 2 Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 336.
- 3 Там же.
- 4 См.: Жаде З. А. Указ. соч. С. 65.
- 5 См.: Нанаева Б. Б. Политические традиции чеченцев. Грозный, 2008. С. 49.
- 6 См.: Там же. С. 50.
- 7 См.: Орлова Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области // Социс. 1998. № 8. С. 89 ; Давыдова Е. В. Измерение социального самочувствия молодежи. М., 1992.
- 8 См.: Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социс. 2000. № 12. С. 51.
- 9 См.: Тощенко Ж. Т., Харченко С. Социальное настроение. М., 1996.
- 10 См.: Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социс. 2003. № 4. С. 143–144.
- 11 См.: Азарова Р. Н. Педагогическая модель организации досуга обучающейся молодежи // Педагогика. 2005. № 1. С. 27–32.
- 12 См.: Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 131.